

П. В. Абрамов

Высшая школа сценических искусств

АУТОПОЭЗИС И РЕКУРСИЯ В ПОЭЗИИ И ПРАВДЕ И. В. ГЁТЕ

В статье рассматривается теоретическая возможность выявления свойств аутопоэзиса и рекурсии в каноническом тексте автобиографии И. В. Гёте *Поэзия и правда*, определяется формообразующая роль аутопоэзиса в становлении автобиографической наррации и взаимодействие с жанровым канонem автобиографии. Указывается на трансформацию канона и определяется потенциальная возможность генерирования новых смыслов.

Ключевые слова: аутопоэзис; Гёте; Матурана; автобиография; канон; *Поэзия и правда*; рекурсия

1. Введение

Поэзия и правда И. В. Гёте — текст в автобиографическом дискурсе канонический и детально исследованный как отечественными, так и зарубежными литературоведами. Однако учитывая тот факт, что создавался он одним из последних «универсальных гениев» и впитал в себя множество контекстов и сюжетов, став во многом полиморфным и многожанровым, целесообразно применить к его анализу концепцию *аутопоэзиса* У. Матураны и Ф. Варелы и обнаружить элементы рекурсии, свойственной в основном текстам второй половины XX в.

2. Характеристика материала и методов исследования

Важно отметить, что предложенная в 1970-е гг. концепция аутопоэзиса исходила от биологов и антропологов, что весьма продуктивно соотносится с идеей самораскрытия личности в автобиографии Гёте в русле его естественнонаучных штудий и мыслей о прарастении. Предположение, что аутопоэзис — составная часть автобиографической наррации подтверждается не только известной каноничностью текста автобиографии (а канон нередко замкнут на самом себе), но и тем, что текст Гёте подвержен рекурсии как в сюжетном, так и в структурном смысле. Дело здесь не только в том, что поэт, описывая свою жизнь, смотрит на нее с высоты прожитых лет и воссоздает в автобиографии повторно, а в некоем раздвоении Субъекта и Объекта:

автор наблюдает сам себя и сам же себя описывает. В случае с Гёте это также хорошо соотносится с его концепцией метаморфоза растений. В статье, помимо осмысления новых терминов, предпринят и междисциплинарный подход: взгляд на знакомые, канонические тексты сквозь призму новейшей терминологии смежных дисциплин позволит, как думается, открыть новые грани в постижении как внутренней структуры текста, так и его жанрового своеобразия. Особое внимание уделено и эволюции понятия *канон* в перспективе эстетического знания XX в. (эстетико-философское осмысление которого принадлежит А. Ф. Лосеву), поскольку канон является формообразующим для выявления свойств аутопоэзиса и рекурсии в тексте И. В. Гёте.

3. Результаты исследования и их обсуждение

Возникновение первых идей о написании автобиографии по времени совпадает у Гёте с его открытием прафеномена и образа прарастения в Ботаническом саду Падуи. В жанровом смысле именно автобиография помогла ему выразить идею самостановления, саморазвития личности. В случае с Гёте его текст можно считать восходящим к древнейшей протожанровой модели, поскольку в нем содержатся элементы сказки, новеллы, притчи, анекдота и автокомментария. В жанровом, стилистическом, сюжетном смысле его текст — модель, где мы наблюдаем за произрастанием-развитием идеального облика поэта.

Переход человеческой личности от одной сферы деятельности к другой, от созерцания к действию есть повторение вечного круговорота Природы, где, согласно идеям Гёте, происходит вечное возрождение / умирание субъекта. «Все образовавшееся сейчас же снова преобразуется, и мы сами, если хотим достигнуть хоть сколько-нибудь живого созерцания природы, должны, следуя ее примеру, сохранить такую же подвижность и пластичность» (ГЁТЕ 1964: 70). Подобная топика применима и к тексту *Поэзии и правды*, в котором можно наблюдать не только «превращение пережитого в образ» (одна из любимых метафор Гёте), но и метаморфозы жанра: сказка неожиданно становится реальностью, а реальные факты, напротив, оборачиваются мифологическими конструктами; все в тексте автобиографии подвижно и полиморфно: новелла, притча, сказка и автокомментарий смешиваются вплоть до того, что возникает иллюзия самоописывающегося текста.

Достигается этот эффект прежде всего благодаря включению поэтом достоверных фактов из своей биографии в контекст литературной жизни современной ему Германии. Так, автор неожиданно превращается в историка литературы, повествуя нам о первом успехе *Вертера*, о собственных стихотворных опытах, но все это описывается с элементами отстранения. Пространство повествования становится подчеркнуто референтным. Под референцией мы понимаем соотношение текстового и вне-текстового миров. Таким образом очевидно, что текст фактически создает новое пространство, в котором герои подчиняются как законам жанра, канона, так и критериям повторяемости, репрезентации. В связи с этим автобиография несет в себе черты аутопоэтического текста: автор-повествователь (создатель) и сам текст (создаваемое) находятся в неразрывной субъектно-объектной связи. Автор оценивает сам себя, порою предельно субъективно, но когда он использует свидетельства современников, пользуется «чужой» памятью (концепт «POST-MEMORY» по М. Хирш), тогда он превращается в объект повествования (HIRSH 2012). Похожее происходит и с текстом как с подвижной семиотической структурой: текст автобиографии выстраивается по канонам жанра с использованием знаковых, нередко повторяющихся *биографем*, узнаваемых топосов и даже мифов. В случае с автобиографией, в которой присутствуют элементы аутопоэзиса, текст выстраивается автором, но и авторское сознание находится под воздействием этого текста. Автор и текст как бы «моделируют» друг друга.

Несмотря на заявленную выше архетипичность художественных категорий автобиографии, следует отметить, что сам термин сравнительно нов. В XVIII и в XIX вв. в Германии чаще и охотнее употребляли его немецкую кальку с древнегреческого «*Selbstbiographie*», а то и вовсе «*Selbstzeugnisse*». В 1836 г. Академический толковый словарь Франции понятие «автобиография» фиксирует только как текст «написанный своей рукой, собственноручно», а в Англо-немецком королевском словаре 1844 г. слово это было помечено как неологизм.

Одно из классических определений автобиографии находим в *Краткой литературной энциклопедии*:

«Автобиография — жанр документально-художественного произведения, преимущественно в прозе. В широком смысле — произ-

ведение, основное содержание которого составляет изображение процесса духовно-нравственного развития личности автора, основываясь на осмыслении прошлого с точки зрения опытного, зрелого человека, умудренного жизнью. Жизнь писателя — протосюжет (sic! — П. А.). Личность автора (его внутренний мир, особенности поведения) — прототип главного героя» (КЛЭ 1962: 70–71).

В случае с текстом Гёте есть смысл усматривать в повествовательной модели его автобиографии движение от протосюжета к метажанру. Здесь сказываются особенности человеческой памяти: писатель «дописывает и переписывает» свою жизнь — в связи с этим жанровая структура автобиографии полиморфна и это дает возможность В. Е. Хализеву утверждать что внутри текста повествования «жанры с трудом поддаются систематизации и классификации (...) упорно сопротивляются им» (ХАЛИЗЕВ 1999: 206). Автобиографический нарратив сближается с экзистенциальным, где самопознание бытия сообщает тексту аналитическое, рефлексивное начало, добавляя тексту, по терминологии Хализева, «автопсихологичность» (Ibid.).

В структурном смысле ткань текста автобиографии сплетается из внешней и внутренней реальности бытия, исходного события — его переживания и осмысления. Это соответствует упомянутой максиме Гёте о превращении / преобразовании «пережитого в образ». В поздней философской лирике Гёте находим немало отсылок к объединению внешнего и внутреннего: «Одно и все», «Бог и мир», «Завет», «Что внутри — во внешнем сыщешь» — эта глубокая идея единения с природой и раскрытия единой творческой энтелехии, согласно законам природы, вписывается в ту жанровую парадигму автобиографии, о которой говорил Г. О. Винокур:

«В биографии, если только не отождествлять ее с психологией, все внешнее есть непременно и внутреннее, потому что здесь внешнее только знак внутреннего и вся биография вообще — только внешнее выражение внутреннего» (ВИНОКУР 2007: 26).

Создание жизни «из материала окружающей действительности», переосмысленного творческим сознанием поэта — еще одна важная установка Гёте.

Вышеуказанные факторы постепенно приближали текст автобиографии Гёте к некоему каноническому образцу отражения личности в литературном произведении, а попав на благодат-

ную почву представителей «философии жизни» — прежде всего Вильгельма Дильтея и его учеников (Георга Миша — автора многотомной и единственной в Европе *Истории автобиографии*, Эдуарда Шпрангера — психолога и философа, и отчасти Георга Зиммеля), *Поэзия и правда* в философском осмыслении обрела многие черты канона. Об этом свидетельствует М. Йегер в монографии *Autobiographie und Geschichte*:

«Дильтей интерпретирует «Поэзию и правду» почти как идеально-типическую модель (idealtypisches Modell) саморефлексивного рассмотрения истории и имманентной жизни» (JAEGER 1995: 59).

По этой же причине именно Дильтей возведет жанр автобиографии в некий абсолют, необходимый и желательный для немецкой нации в ту пору как в контексте самопознания, так и духовного развития.

«Автобиография — это высшая и наиболее содержательная (или «поучительная» («instruktive») — П. А.) форма, в которой нам открывается понимание жизни. Здесь жизненный путь дан как нечто внешнее, чувственное, отчего понимание должно проникнуть к тому, что обусловило этот путь в определенной среде. Поэтому человек, понимающий этот жизненный путь, идентичен тому, кто создал этот путь (снова идея «со-творца» — П. А.)» (DILTHEY 1927: 199).

Человек, согласно Дильтею, вглядывается в прошлое, интерпретирует развитие себя, заглядывая в будущее, формирует свою жизнь и оценочные суждения о своей личности. Так возникает целостная картина мироздания, где архитектором-творцом выступает сам человек. «Автобиография — это осмысление человеком своего собственного пути, получившее литературную форму выражения» (Ibid.), — говорит Дильтей, но это самоосмысление было и у философов-стоиков и в медитациях святых: Дильтей же вновь подчеркивает архетипический характер автобиографического переживания и роль памяти индивида. Рассматривая с точки зрения философии жизни эволюцию жанра автобиографии, Дильтей объективно выделяет три фигуры европейского литературного процесса, определившие вектор развития жанра: Августин — Руссо — Гёте (называя их «наиболее типическими историческими формами»).

Августин для Дильтея предельно трансцендентен, ибо смысл жизни тот видел в постижении связи своего существова-

ния с Богом. «Его сочинение — одновременно и религиозное размышление, и молитва, и рассказ» (Ibid.).

Борьба за самостоятельность и цельность благородного духовного состояния своей личности — основа автобиографии Руссо, «...что бы он ни делал, какие бы страдания и лишения не приносил, он считал себя аристократом и благородным человеком, душа которого слита со всем человечеством, а в этом и заключались идеалы его времени. Именно это он и хотел показать миру — показать правомерность своего духовного существования, раскрыть его целиком таким, каким оно было... Руссо стремился добиться права своего индивидуального существования. В этом представлен совершенно новый взгляд на безграничные возможности реализации жизненных ценностей. Из этого взгляда вытекает соотношение категорий, в которых Руссо осуществляет интерпретации собственной жизни» (Ibid.).

Используя весь предыдущий опыт автобиографического повествования как жанра, Гёте достигает идеальной гармонии в изложении, рассмотрении и осмыслении своей жизни. «Универсально-историческое» отношение поэта к жизни выражается, согласно Дильтею, в том, что

«он чувствует каждый этап своей жизни — в Лейпциге, Страсбурге, Франкфурте — как наполненное жизнью *настоящее*, определяемое *прошлым*, как устремленное вперед, к формированию *будущего* (курсив наш — П. А.)» (ДИЛЬТЕЙ 2004: 312).

Развитие этих мыслей возникнет впоследствии у Дильтея в его программной работе *Das Erlebnis und die Dichtung* («Переживание и поэзия», 1906), но обратим внимание на важную триаду, подмеченную им, которая сообщает тексту *Поэзии и правды* удивительную полифоничность: прошлое, настоящее и будущее.

Все это соотносится с теми эстетическими критериями канона, которые возникли еще в древности, на заре возникновения этого термина, восходящего к шумеро-аккадской культуре; в эпоху античности за каноном закрепились как «архитектурная», так и литературная составляющие, что позволило видеть позднейшим философам и эстетикам доминирование формы над изменчивым содержанием (Лукиан из Самосаты, Поликлет, Эпикур — авторы несохранившихся трактатов о каноне, информацию о которых мы получаем из позднейших источников). Обобщая все предшествующие источники, иногда по крупицам

собирая информацию, А. Ф. Лосев приходит в начале 1973 г. в работе *О понятии художественного канона* к итоговому на тот момент осмыслению его места и роли в искусстве и литературе, что отразилось в емком определении.

«Канон — воспроизведение некоего оригинала и образца, являясь в то же время оригиналом и образцом для всевозможных воспроизведений и даже принципом эстетической оценки» (ЛОСЕВ 1973: 13).

Натан Тамарченко, комментируя это определение, подчеркивал, что речь идет о некоей структурной модели, *инвариантной* как для исходного произведения-образца, так и для последующих произведений, которые, будучи созданы по этому образцу, являются таковыми и сами (ТАМАРЧЕНКО 2012: 44). Подобное понимание структуры канона дало повод авторам справочного издания *Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий* провести вполне очевидные параллели между каноном и архетипическими универсалиями, первообразами, заложенными в коллективном сознании человечества. В этом издании читаем:

«Жанровый канон — это первообраз, сохраненный и одновременно трансформированный в каждом произведении данного жанра» (ПОЭТИКА 2008: 40).

Указанное приближение канона к первообразу, его архетипическая интенция дает возможность на примере *Поэзии и правды* связать воедино три категории: канон — аутопоэзис — рекурсию, показать это не только как родственные явления одного порядка, но и выявить несомненно продуктивное воздействие аутопоэзиса на трансформацию канона.

Сама идея применения термина аутопоэзис к литературным текстам относится к 70-м гг. XX в., когда Умберто Матурана (1928 — 2021) познакомился с докторской диссертацией своего коллеги доктора Хосе-Мария Бульнеса о Дон Кихоте. Герой романа Сервантеса, как известно, решает дилемму — каким путем следовать в познании мира: путем поэзиса или праксиса. Напомним: Рыцарь Печального образа воссоздает новый, фантастический мир, где все подчиняется законам его фантазии и воображения, но одновременно этот мир порождает все новые фантазии героя, мотивирует его поступки и устремления. Матурана утверждал, что для любой живой системы также характер-

но явление аутопоэзиса.

«Речь шла о системах, которые своими собственными операциями сами создают себя как нечто единое и в этом процессе создают себя сами. Результатом аутопоэзисных операций системы является сама система» (MATURANA 2002).

Пример с *Дон Кихотом* чрезвычайно удачен, поскольку в тексте романа он предстает и как Субъект и как Сам-себе-Объект, не говоря уже о том, что действует он по канонам старых рыцарских романов и кодексов, прочитанных им однажды и отпечатавшихся в его памяти, как некий образец. Текст в свою очередь создает новое знаковое пространство, в котором герои подчиняются как законам канонического жанра (будь то рыцарский роман или автобиография), критериям повторяемости, репрезентации и прочее. Канон в известном смысле (как это следует из определения А. Ф. Лосева) равен самому себе. Текст с элементами аутопоэзиса также не просто каноничен, он обнаруживает неизбежную тенденцию к новому смыслопорождению, автор, создающий его, вступает с этим текстом в неразрывную субъектно-объектную связь, именно поэтому в автобиографиях так сложно порою определить роль и место автора в тексте (здесь и использование масок, «присвоение» чужих воспоминаний, речь о себе в третьем лице, что часто использовал Гёте). Диалог с читателем, диалог с собственной памятью, диалог с «фиктивным другом» («написавшем» письмо к Гёте с просьбой опубликовать свою автобиографию, что писатель и поместил на первых страницах *Поэзии и правды*) — все это явления аутопоэзиса, как, собственно, и название, данное Гёте в такой последовательности: «*Dichtung und Wahrheit*», где поэзия (*poiēsis*) порождает, правду, саму жизнь, иначе говоря: является неисчерпаемым источником бытия.

В семиотическом смысле подобные явления сопровождает и рекурсия, как любой вид знаковой коммуникации. В одной из недавних монографий *Фрактальная семиотика*, написанной на стыке философии языка и математики, В. В. Тарасенко утверждает, что «коммуникация — естественный рекурсивный процесс» (ТАРАСЕНКО 2020: 82). Именно в случае с автобиографией явление это просматривается в тексте особенно отчетливо: действительно, любое общение основывается на восстановлении / припоминании смыслов. Писатель, создавая автобиографический текст, вступает не только в пространство «автобиографического

договора» или «пакта» с читателем (по Ф. Лежену), но и в бесконечный диалог со своей памятью: припоминая прошлое из своего настоящего, интерпретируя прожитую им картину мира. Напомним, повторяемость, суггестивность — важные категории канона, они неизбежны при автобиографировании, при взгляде на себя «со стороны». Эпизодов рекурсии в *Поэзии и правде* Гёте довольно много: от хрестоматийно известной встречи с двойником, до описания первого успеха *Вертера*, наконец, до постоянных приемов отстранения, когда поэт говорит о себе в третьем лице.

Разумеется, рекурсивное описание, когда писатель смотрит на себя со стороны, широко использовал не только Гёте, но также Петрарка, Сервантес, Руссо, многие романтики. Прием рекурсии бытовал и в народных немецких книгах, и в средневековых алхимических трактатах, хорошо знакомых Гёте (один из ярких визуальных примеров — изображение Уробороса).

Аутопоэзису присуща рекурсия как неотъемлемая часть автонаррации субъекта — этот фактор нередко находит свое подтверждение в автобиографических текстах. Использование указанных категорий при анализе автобиографии отнюдь не осложняет картину рецепции текста, но позволяет выявить глубинные взаимосвязи между образами, метафорами и художественными приемами, которые автор зашифровывал и использовал в своем произведении.

Осмысление литературной рекурсии восходит, вероятно, к эпохе Возрождения, когда человек обратил взор на самого себя, осознав собственную индивидуальность в роли со-творца окружающего мира. И если элементы словесной рекурсии присутствуют уже в Священном Писании: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог», как риторическая конструкция, допускающая множество толкований, то в сюжетном смысле рекурсивное мышление стало развиваться именно благодаря героям Возрождения: Гамлету, Дон Кихоту, отчасти Дон Жуану. А. В. Анисимов отмечал:

«Одно из первых проявлений рекурсии в литературе связано с введением в текст повествования книги самой этой книги. Главный процесс как элемент *использует сам себя* (курсив мой — П. А.). Если при этом используется текст этой книги, то она не может быть никогда закончена. <...> Мышление человека рекурсивно» (АНИСИМОВ 1991: 156).

Добавим, что хрестоматийным примером рекурсии является и все тот же роман Сервантеса, где Дон Кихот во второй части встречается тех, кто читал о его подвигах, а Сервантес упоминает сам себя, о чем писал Х. Л. Борхес.

Можно заключить, что аутопоэзис и рекурсия — тесно взаимосвязанные явления канонического текста, как в жанровом, так и в сюжетном смысле. Использование этих приемов в жанре автобиографии весьма очевидно, как и то, что Гёте был здесь одним из первопроходцев, поскольку ему удалось удачно воплотить идею прарастения и свои естественнонаучные штудии при написании собственной автобиографии. В завершение приведем несколько примеров, которые призваны наглядно обосновать вышеизложенные теоретические соображения.

Аутопоэтические знаковые структуры автобиографического, да и любого канонического текста имеют тенденцию к самопорождению новых смыслов. У. Матурана и Ф. Варела описывали это так:

«Поскольку любая аутопоэзисная система представляет собой единство многочисленных взаимозависимостей, при изменении одного параметра системы весь организм одновременно претерпевает коррелятивные изменения по многим параметрам» (МАТУРАНА & ВАРЕЛА 2020: 47).

Сегодня довольно отчетливо обосновано в новейших немецких монографиях, что идея прарастения имплицитно зашифрована у Гёте в *Поэзии и правде* как на примере описания его самораскрытия личности, так и в описании сопутствующих факторов. Созданный поэтом канонический текст в известном смысле самоописывающийся, одновременно дающий импульс для новых интерпретаций. Образно это выражается не только в известной гравюре М. Эшера «Руки», но и в высказывании Гёте, зафиксированном в одном из набросков к его *Морфологии*:

«У меня был дар, если я закрывал глаза и с опущенной головой представлял в центре моих органов зрения цветок, то он ни мгновения не пребывал в своем первичном облике, а разделялся, и из его сердцевины разворачивались все новые цветы, из цветистых и довольно зеленых листьев; это были не цветы, которые мы наблюдаем в природе, но фантастические и столь соразмерные, словно скульптурные орнаменты» (ГОЕТНЕ 2006: 353).

Подобное зримое воплощение аутопоэзиса в сознании автора —

яркое доказательство возможности применения оптики современной науки к каноническому тексту.

4. Заключение

Автобиографический космос, показанный Гёте в *Поэзии и правде*, давно стал той художественной универсалией, которой стремились подражать потомки, создавая свои автобиографии. Как в XIX, так и в XX в. автобиография развивалась в русле традиционных приемов, заложенных Гёте. Порою авторы вступали в спор с каноном (как это делали Жан Поль или романтики), порою охотно копировали приемы (Т. Манн, Г. Гауптман). В начале XXI в. активизировалось контрканоническое начало в автобиографической наррации, что блестяще показал в *Луковице памяти* и последующих романах Г. Грасс. Однако в основе бытования автобиографического канона лежат, как представляется, две важные категории, равно соотносимые как с художественным методом писателя, так и с приемами познания мира и человека — это аутопоэзис и рекурсия.

Анализ канонического текста с применением категорий аутопоэзиса и рекурсии расширяет его семиотическое поле, выводя на поверхность такие качества автобиографического канона как мифогенность, суггестивность, мнемоническая и миметическая функции, поскольку, как показывает практика многолетнего эстетического осмысления канона в жанровом поле автобиографии, его изменчивость и тяготение к образованию новых мыслеобразов далеко не исчерпаны и требуют дальнейшего пристального рассмотрения.

Список литературы / Zitierte Literatur / Reference

- Анисимов А. В. Компьютерная лингвистика для всех. Мифы — алгоритмы — язык. Киев: Наукова думка, 1991. [Anisimov, Aleksandr V. (1991) *Komp'yuternaya lingvistika dlya vsekh. Mify — algoritmy — yazyk* (Computational Linguistics for Everyone. Myths — Algorithms — Language). Kiev: Naukova dumka. (In Russian)].
- Винокур Г. О. Биография и культура. М.: УРСС, 2007. [Vinokur, Grigory O. (2007) *Biografiya i kul'tura* (Biography and Culture). Moscow: URSS. (In Russian)].
- Гёте И. В. Избранные философские произведения. М.: Наука, 1964. [Goethe, Johann Wolfgang. (1964) *Izbrannyye filosofskiye proizvedeniya* (Selected Philosophical Works). Moscow: Nauka. (In Russian)].
- Дильтей В. Построение исторического мира в науках о духе // Диль-

- тей В. Собрание сочинений в 6 т. Т. 3. М.: Три квадрата, 2004. [Dilthey, Wilhelm. (2004) *Postroyeniye istoricheskogo mira v naukakh o dukhe* (Construction of the Historical World in the Sciences of the Spirit). In Dilthey, Wilhelm. *Sobraniye sochineniy* (Collected works). In 6 vols. Vol. 3. Moscow: Tri kvadrata. (In Russian)].
- Лосев А. Ф. О понятии художественного канона // Проблема канона в древнем и средневековом искусстве Азии и Африки. М.: Наука, 1973. [Losev, Aleksey F. (1973) *O ponyatii khudozhestvennogo kanona* (On the Concept of Artistic Canon). In *Problema kanona v drevnem i srednevekovom iskusstve Azii i Afriki* (The Problem of the Canon in the Ancient and Medieval Art of Asia and Africa). Moscow: Nauka. (In Russian)].
- Матурана У. Р., Варела Ф. Древо познания: Биологические корни человеческого понимания / пер. с англ. Ю. А. Данилова. М.: УРСС, 2019. [Maturana, Humberto R., & Varela, Francisco. (2019) *Drevo poznaniya: Biologicheskiye korni chelovecheskogo ponimaniya* (The Tree of Knowledge: The Biological Roots of Human Understanding). Moscow: URSS. (In Russian)].
- Тарасенко В. В. Фрактальная семиотика. М.: УРСС. 2020. [Tarasenko, Vladislav V. (2019) *Fraktal'naya semiotika* (Fractal Semiotics). Moscow: URSS. (In Russian)].
- Тамарченко Н. Д. Переход от канонических жанров к неканоническим // Теория литературных жанров / ред. Н. Д. Тамарченко. М.: Академия, 2012. [Tamarchenko, Nathan D. (2012) *Perekhod ot kanonicheskikh zhanrov k nekanonicheskim* (Transition from Canonical to Non-canonical Genres). In Tamarchenko, Nathan D. (ed.) *Teoriya literaturnykh zhanrov* (Theory of Literary Genres). Moscow: Akademia. (In Russian)].
- Хализев В. Е. Теория литературы. М.: Высшая школа, 1999. [Halizev, Valentin Ye. (1999) *Teoriya literatury* (Theory of Literature). Moscow: Vysshaya shkola. (In Russian)].
- Goethe, Johann Wolfgang. (2006) *Das Sehen in subjektiver Hinsicht*. In Goethe, Johann Wolfgang. *Sämtliche Werke nach Epochen seines Schaffens* (Münchener Ausgabe). Bd. 12. *Zur Naturwissenschaft überhaupt, besonders zur Morphologie*. München; Wien: Carl Hanser Verlag.
- Dilthey, Wilhelm. (1927) *Der Aufbau der geschichtlichen Welt in den Geisteswissenschaften*. In Groethuysen, Bernhard; Misch, Georg, & al. *Gesammelte Schriften*. In 12 Bd. Bd. 7. Leipzig; Berlin: Teubner.
- Jaeger, Michael. (1995) *Autobiographie und Geschichte*. Stuttgart; Weimar: Metzler.
- Hirsh, Marianne. (2012) *The Generation of Postmemory: Writing and Visual Culture After the Holocaust*. New York: Columbia University Press.

Maturana, Humberto R. (2002) Autopoietische Maschinen und die Organisation des Lebendigen. In Maturana, Humberto R., & Pörksen, Bernhardt. *Vom Sein zum Tun. Die Ursprünge der Biologie des Erkennens*. Heidelberg: Carl-Auer Verlag.

Pyotr V. Abramov
High School of Performing Arts

Autopoiesis and Recursion in *Dichtung und Wahrheit* by J. W. Goethe

The article discusses the theoretical possibility of revealing the properties of autopoiesis and recursion in the canonical text of J. W. Goethe's autobiography *Dichtung und Wahrheit* ("Poetry and Truth"), determines the formative role of autopoiesis in the development of autobiographical narration and interaction with the genre canon of autobiography.

Keywords: autopoiesis; Goethe; Maturana; autobiography; canon; "Dichtung und Wahrheit"; recursion

Для цитирования:

Абрамов П. В. Аутопоэзис и рекурсия в *Поэзии и правде* И. В. Гёте // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. 2022. № 19. С. 354—366.

DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2022-19-354-366.

To cite this Article:

Abramov, Pyotr V. (2022) Autopoezis i rekursiya v *Poezii i pravde* I. V. Gyote (Autopoiesis and Recursion in *Dichtung und Wahrheit* by J. W. Goethe). *Russkaya germanistika: Yezhegodnik Rossiyskogo soyuza germanistov* (Germanic Philology in Russia: Yearbook of the Russian Union of Germanists), 19, 354—366. (In Russian).

DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2022-19-354-366.

Статья поступила в редакцию 01.02.2022; принята к публикации 28.02.2022

The article was submitted 01.02.2022; accepted for publication 28.02.2022